

Мин. газ. 1970, 21 окт. № 43

ПЕРВЫЙ фильм Глеба Панфилова «В огне брода нет» не сразу получил признание широкого зрителя. В подобных ситуациях молодой художник иногда становится в позу непонятого таланта: иногда, махнув рукой на «высокое искусство», начинает лепить фильмы попроще. Панфилов нашел свой, третий путь. Автор сценария его нового фильма «Начало» снова Евг. Габрилович, в главной роли опять Инна Чурикова и рядом с нею все тот же Михаил Кононов. Режиссер проявляет постоянство не только в выборе сотрудников, но и в художественных пристрастиях. Однако он вынес уроки из экранной жизни своей первой ленты. Не отказываясь от своих художественных позиций, Панфилов сделал фильм и другого жанра, и другого, неизмеримо более широкого адреса. Для этого ему прежде всего нужно было поставить свою героиню в иные обстоятельства, в другой сюжет.

Я говорю героиню, а не героиню, потому что и наивная девчонка Таня Теткина из санитарного поезда эпохи революции, и наша современница Паша Строганова — работница на фабрике в городе Реченске, в сущности, — одно лицо, только поставленное в разные сюжетные и исторические ситуации. Сквозь драматургию того и другого характера просвечивает прежде всего индивидуальность их создателя — актрисы Инны Чуриковой. Поэтому и хочется говорить о двух ролях ее сразу, ибо это разные этапы, разные грани одной роли, одного типа. И, как видно из двух фильмов с ее участием, для Панфилова Инна Чурикова не просто находка — вдруг привалило! — нет, его кредо художника персонифицировалось счастливо в этой нескладной, странной, невероятной в своей индивидуальности актрисе, которую он избирает на главные героические роли: хоть это, кажется, противоречит всем канонам кинематографа.

Писать о Чуриковой очень трудно. В театре и кино таких берут на амплуа комических старух. Но как определить момент, когда некрасивость ее героинь превращается в красоту? И деревенская простушка, блаженная, нелепое существо вдруг улыбнется, поведет своими огромными глазами, и все кажется бледными кинематографическими тенями рядом с этой совершенной, полной жизнью.

Может быть, в этой изумительной интенсивности жизни — секрет обаяния Инны Чуриковой. Ее героини — талантливая художница, талантливая актриса. Но главный талант их — это талант человеческий.

Талант жизни, каждый кусочек которой актриса проживает интенсивно, остро, крупно. Ее исполнение — это ряд сюит на тему отдельных эмоций, которые она доводит до уровня страсти.

Ее ожидание. Когда прижав к груди чужие сумочки, данные подругами «на подержать», эта девочка, этот «гадкий утенок» стоит на краю танцплощадки, танцую мысленно за всех и лучше всех, и ждет, ждет, ждет приглашения на танец. Да не приглашения на танец, а необыкновенного, волшебного принца, который должен прийти сюда, на танцплощадку захолустного Реченска.

Ее любопытство. Когда Таня Теткина рассматривает работу настоящего ху-

данность любимому человеку. И в то же время эти характеры, как, впрочем, и фильмы, противоположны. Если Машенька — «такая, как все», с ее кроткой милотой и скромной кокетливостью, то Паша — Чурикова — «не как другие». И нужно усилие, чтобы сквозь смешную и странную внешность угадать ее душевную красоту. Если Машенька при всей своей поэтичности весьма рассудительна, то Паша безоглядна в своих порывах. В ней все под высоким давлением. Ее гнев — сумасшедший, упорство — каменное, нежность — всеохватывающая.

И если Машенька твердо стоит ногами на прозаической почве, то Паша все время живет в двух

роскошный бал, это праздник жизни, который она может творить своим воображением.

Такова эта Жанна д'Арк из маленького города Реченска, живущая и реальной жизнью, и воображением, как ее историческая предшественница, и вдруг приглашенная сыграть роль Жанны в кино. Фильм развивается в переплетении двух судеб, двух монтажных рядов Паши и Жанны, роль которой она исполняет. Панфилову нужно было острое сочетание этих двух рядов — они взаимно обогащали друг друга, освободив бытовую мелодраму от банальности, а историческую легенду от ложного пафоса. Ему нужны были рыцари, танцующие фокстрот в перерыве между

ДВЕ ЖИЗНИ ПАШИ СТРОГАНОВОЙ

Ю. ХАНЮТИН

дожника — глаза впиваются в полотно, — она не видит ничего, кроме этих картин.

Ее неистовый гнев, в котором темперамент Жанны д'Арк помножен на грубоватую прямоту фабричной девчонки. Когда, «обидевшись на кино», держа перед собой чемодан, как таран, разбежавшись, сбивает с ног второго режиссера и, рывкнув на него «киношник!», едет на вокзал — домой, в Реченск! А потом лягается, кусается, дерется с режиссером, стаскивающим ее с поезда. То, что показалось бы фальшью почти в всякой иной актрисе, оказывается естественным, единственно возможным у Инны Чуриковой. По убедительности, непреложности эксцентрических решений, рождающихся из существа ее индивидуальности, Чурикова напоминает Джульетту Мазину, если она вообще кого-нибудь может напоминать!

И еще одна параллель, уже ко всему фильму. Тридцать лет назад тот же Евгений Габрилович написал сценарий фильма «Машенька». Его героиня в исполнении В. Караваевой завоевала широкую любовь, ее воспринимали как образ поколения тридцатых годов.

Очень соблазнительно назвать Пашу Машенькой 70-х годов. В них и в самом деле есть общее: и в биографии — маленький город, скромная профессия, и в нравственном облике — чистота, отзывчивость, пре-

измерениях — одно реальное, где подруга, уходя на свидание, оставляет у нее ребенка, а сосед требует ключ от комнаты: понимаешь, такая девушка! А другое, вымышленное, воображаемое — из увиденных фильмов, прочитанных книг, столько раз проигранных в мечтах встреч, где ухажера, желающего войти ночью в дом, надобно устыдить загадочно-опытным «это банально!», где, удивившись, что герой женат, надо срезать его надменно-презрительным «ха-ха». А когда «предмет» все-таки приходит ночью в дом и роняет в сенях ведро, жеманно замечать: «Аркадий, вы меня компрометируете!» Весь нехитрый реченский ритуал светскости, выучен наизусть. Но опять-таки особенность Чуриковой, что у нее даже банальное становится и забавным, и поэтическим. Великолепен в фильме эпизод, в котором она принимает у себя дома своего избранника — пошловатого зоотехника Аркадия, дает свой бал Золушки. С какой гордостью она провозглашает меню и программу своего нехитрого ужина — она творит свой миф, свою легенду. И когда, немножко выпив, они с Аркадием пьют что-то бессловесно-опереточное, — понимаешь, что для них сейчас не существует ни комнаты в коммунальной квартире, ни скромного угощения на столе. Это белое платье, это хрусталь и огни, это

съемками или получающие талоны на обед. А когда Жанна со слезами твердит: нет, мой король меня не предал, — в ее монологе вся иступленная вера реченской Паши, не желающей примириться с тем, что Аркадий ушел к другой. И последний отчаянный вопль Жанны, горящей на костре, открывает настроение и смысл «тихой» сцены, где Паша прощается с Аркадием.

Некоторые зрители упрекают Панфилова и Чурикову в том, что их героиня не доказала свой артистический талант. Что Жанна сыграна в фильме заурядно. Думается, таков был замысел авторов. Они сознательно вели линию Жанны вполголоса. Сдерживали мощный темперамент актрисы. Потому, что эпизоды жизни Паши должны были быть сильнее, чем сцены ее киносъемок в роли Жанны. В этой фабричной девчонке живут неукротимый дух, цельность и вера Жанны д'Арк. В фильме роль Жанны дает только опознавательные знаки для понимания Паши. Это романтическая суть ее внешне неромантической жизни. Это метафора, пронзающая житейский сюжет.

Я вижу, что рецензия на фильм «Начало» как-то сдается в разговор о Чуриковой. Но, очевидно, ее партнерам по фильму придется смириться с тем, что она притягивает к себе основное внимание. Хотя и Куряков — Аркадий, и

Кононов — Павлик, и Теличкина — подруга Паши играют в этом фильме хорошо, а актерский дебют сценариста Клепикова — просто приятная неожиданность. Что же касается Панфилова и Габриловича, то они писали роль для Чуриковой и, полагаю, рассчитывали именно на этот эмоциональный результат.

И здесь мы подходим к ответу на главный вопрос: почему именно Чурикова «пришлась» Панфилову, почему это была не счастливая находка, а творческая программа.

Причина, полагаю, в том, что сам тип художественного мышления Панфилова остроконфликтен, ему, наверное, по сердцу доказательства от противного, ходы необычные, парадоксальные. В эстетическом плане он утверждает свое понимание красоты, рождающейся из некрасивого, великого — из заурядного по видимости.

Мысль о трагической непримиримости людей, столкнувшихся в классовой борьбе, он доказывает не только образом воспаленного от ненависти к врагам революции Фокича, мечтающего о пулемете, но и образом Тани, простодушной, влюбленной и доброй художницы. Но и она берет в руки камень, потому что поистине «в огне брода нет».

Дело, очевидно, в том, что в Чуриковой Панфилов нашел индивидуальность настолько сильную, что столкновение ее героинь со временем всегда выснает искры и зажигает пламя, в огне которого особенно четко видны и сама эпоха, и характер в его временном и вечном.

«Начало», в отличие от философской новеллы «В огне брода нет», представляет собой классическую мелодраму с роковыми страстями, треугольниками, несчастной любовью и наградой — утешением, где искусство героини получает признание зрителей, собравшихся в огромном кинозале. Габрилович и Панфилов берут старый массовый жанр, но поднимают его, очищают, дают новое измерение и многозначный, не только традиционно счастливый финал.

Да, Пашу встречают радушно и в роскошном старом кинотеатре, и на родном, в Реченске. Но любовь ее оказалась не нужной Аркадию, как и ее талант — киностудии. Ее любят как добрую, отзывчивую Пашу, что посидит безотказно с ребенком, даст ключ, даст все, что имеет... но искренне недоумевают, когда бунтует, прорывается в ней Жанна д'Арк. «Вот дура!» — беззлобно и недоуменно восклицает жена Аркадия. «Сумасшедшая ты, Пашка», — вторит ее сосед.

И лишь мимолетный отсвет ее взыскующей, страстной и страдающей Жанны запечатлен на пленке по счастливой прихоти заезжего режиссера.